

СОЛНЦЕ РУССКОЙ МУЗЫКИ

БЕСКОНЕЧНО дорого нам имя Михаила Ивановича Глинки, одного из величайших гениев мировой музыкальной культуры. Родившись в эпоху, когда жил и творил Бетховен, прославившись во времена Берлиоза, Шопена, Листа, Глинка открыл новый период в истории мирового искусства — период русской музыки.

Могучей силой своего творческого гения Глинка вывел русскую музыку на путь высокого классического искусства, глубоко раскрыв ее самобытные черты, прочно утвердив ее прогрессивные демократические идеалы, народность и реализм. Поэтому Глинке — зачинателю русской музыкальной классики по праву принадлежит место рядом с Пушкиным, основоположником отечественной классической поэзии и литературы. Как и Пушкин, Глинка был верным сыном своей Родины, правдиво запечатлевшим важнейшие стороны современной ему жизни русского народа во всем величии ее исторической судьбы и национального содержания.

Великий русский композитор отчетливо сознавал грандиозную историческую миссию, выпавшую на его долю. «Нам предстоит задача серьезная! Выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу...», — говорил Глинка, готовясь к осуществлению своих гигантских замыслов. С детства он глубоко проникся красотой и душевной выразительностью русской народной музыки, открыл в ней неиссякаемый источник фантазии и положил родные его душе мелодии в основу своего творчества. Но не только это помогло Глинке выполнить свою историческую задачу. Важно и другое.

В то время, когда Пушкин заканчивает свое исследование о грандиознейшем из народных движений («Историю Пугачева»), Глинка задумывает «отечественную героико-трагическую оперу», героем которой являлся бы русский народ в один из решающих моментов его истории. Так два гениальных русских художника почти одновременно приходят к пониманию народа как важнейшей социальной силы, движущей истории. Это говорит о том, что Глинка в своем творчестве не только стоял на уровне передовых идей своей эпохи, ознаменованной восстанием декабристов, но и в некоторых существенных моментах был более прогрессивен. В трудах советских музыковедов во многом раскрыт последовательный рост передового художественного сознания Глинки, становление его демократических идеалов.

Рано сблизившись с народной жизнью, находясь в петербургском пансионе под влиянием таких людей, как поэт-декабрист Вильгельм Кюхельбекер — лицейский товарищ Пушкина, общаясь с самым великим поэтом, с Грибоедовым и другими представителями передовых кругов русского общества, Глинка был питомцем бурной эпохи 1812—1825 гг., угрожавшей самодержавию и крепостному строю. Именно поэтому, несмотря на жестокий террор николаевского режима, Глинка, по примеру поэта-декабриста Рыльева, воспекает патристический подвиг простого русского крестьянина, увидев в нем подлинного национального героя. В мощной хоровой интродукции «Ивана Сусанина», которая по замыслу Глинки должна выражать силу и неустранимость русского народа, в образах самого Сусанина, Антонида, Вани, Сабина, в могучем эпилоге оперы Глинка возвышает «народный напев до трагедии» (Одоевский), создавая монументальные народно-героические образы, неизвестные до того во всей мировой оперной драматургии. «Финальный хор эпилога по ширине размаха поспорит даже с финалами бетховенских симфоний, а по своей русской своеобразности, по своей верной передаче исторического момента этот хор — страница русской истории», — писал выдающийся русский критик и композитор А. Н. Серов. — Если б Глинка не создал ничего, кроме этого эпического широко и вполне русского «Славься, славься, святая Русь», имя его все-таки сияло бы наряду с первейшими художниками всех веков и народов».

Чайковский назвал эпилог «Ивана Сусанина» «архигениальным».

Подлинное значение «Ивана Сусанина», прозвучавшего в обстановке жестокой реакции, последовавшей после поражения декабрьского восстания, хорошо поняли современники Глинки. В. Ф. Одоевский писал, что «независимо от нового шага» опера Глинки «имела и политическое значение, она должна была противодействовать тому тяжелому впечатлению, которое еще живо оставалось в умах после проделок Аракчеевых и Магницких, своим самоуправством и презрением к законности нанесших столько вреда самым чистым и святым народным убеждениям».

Столь же прогрессивно и величественно по своей идее второе бессмертное творение Глинки — «Руслан и Людмила», положившее начало гениальным созданиям оперной пушкинианы и многим новаторским традициям русской музыки.

Народно-героическая идея, выраженная композитором в его первой

мастерство Глинки, его щедрый мелодический дар сказались в каждой странице, в каждом образе «Руслана и Людмилы». Защищая шедевр Глинки от злобных нападок реакционной клики, Одоевский писал: «О, верьте, мне! На русской музыкальной почве вырос роскошный цветок, — он ваша радость, ваша слава».

Гениальным новатором Глинка явился и в области камерно-вокальной музыки и симфонизма. Он определил новый, русский стиль симфонизма, вытекающий из особенностей родной народной песни, ее многоголосного богатства, бескрайней широты ее мелодики и оригинальной гармонии.

Такова, прежде всего, его знаменитая «Камаринская», построенная на мелодиях двух народных песен — протяжной и плясовой. Изумительное мастерство сплетения этих тем и их развития сочетается в этом произведении с яркой жизнерадостностью и юмором подлинно русского народного содержания. Широкой популярностью пользуются в народе изяшно-напевный «Вальс-фантазия», мелодически и ритмически богатые, тонко и поэтично оркестрованные польские танцы из «Сусанина», восточные — из «Руслана», симфонические фрагменты из музыки к трагедии «Князь Холмский» и т. д. Особое место занимают две испанские увертюры-фантазии Глинки «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде», построенные на народных темах, записанных композитором во время его путешествия по Испании. И здесь Глинка поражает своим гениальным проникновением в дух музыки другого народа, свободой своей фантазии и мастерства, конкретной выразительностью симфонических образов.

На почве, взлелеянной Глинкой, пышно расцвела русская классическая музыка и вся отечественная музыкальная культура. Все выдающиеся русские композиторы от Даргомыжского, Балакирева и Мусоргского до Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, вся выращенная Глинкой плеяда знаменитых певцов считали себя учениками и последователями его гения, почли для себя священным долгом закрепить и развить его творческие заветы.

Гений Глинки получил мировое признание еще при жизни композитора. Вскоре после первой постановки «Ивана Сусанина» в Париже появилась статья французского критика, в которой опера Глинки названа «национальной эпопеей», художественно совершенной, драгоценной по оригинальности и силе. Берлиоз, исполнявший произведение Глинки в Париже, причислил его к числу «превосходнейших композиторов нашего времени!». Знаменитый венгерский композитор Ференц Лист, пришедший в восхищение от «Руслана и Людмилы», создал широко известную фортепианную транскрипцию «Марша Черномора». Среди почитателей Глинки были также Мейербер и другие крупные музыканты Западной Европы.

Новаторские принципы Глинки мы узнаем в замечательной, проникнутой народностью и патриотизмом музыке Сметаны, Дворжака, Моцарто и ряда других композиторов прошлого и нашей современности.

Солнечный гений Глинки обогатил мировую музыкальную культуру, определив новый высший этап реализма в музыке, создав бессмертные образцы в основных, самых популярных, демократических жанрах, провозгласив торжество подлинно-народного, художественно-совершенного, идейно-возвышенного искусства. Солнце русской музыки — Глинка — в первом ряду великих художников, которые своим творчеством помогают всем народам земного шара бороться за свою национальную независимость и свободу, за развитие своей национальной культуры, за торжество мира и правды на земле.

Е. Грошева.

М. И. ГЛИНКА

опере, освещает собой и образы «Руслана и Людмилы». Об этом говорит глубина и монументальность характеров героев оперы, эпическая мощь ее музыки. К богатырскому образу Руслана примыкают образы и киевского князя Светозара, отца Людмилы, и мудрого Баяна — седого певца ратной славы русских людей, и преданной Людмилы, нежной, целомудренной русской девушки, непримиримой ко злу, волевой, не боящейся испытаний. Колоратурные узоры ее виртуозной партии Глинка обратил на служение художественной правде, на выражение характера. К героям русского эпического мира присоединяется и Горислава, чей характер — одно из чудес глинкинской партитуры по силе чувства, по верности чисто русского национального колорита. Злые силы, тающиеся в волшебном мире как нереальные существа, получают в основном оркестровую характеристику. Злой карла Черномор, похититель Людмилы, лицо вовсе безгласное — охарактеризован в оркестре ярким по своей образности маршем и нисходящей целотонной гаммой, производящей необычайный таинственно-зловещий эффект. Этот прием затем широко развивают русские композиторы, описывая сказочно-фантастические явления.

Неистощимая фантазия и роскошь оркестровки «Руслана», изобилующей гениальными находками, соперничает в опере с многообразным использованием музыкально-драматургических форм для выражения чувств, состояний и положений героев. Музыкальные богатства «Руслана» неисчислимы. Обогащая в монументальных образах русский мелос, Глинка так же создает и чарующие страницы музыки Востока, рисуя чувственную прелесть волшебных дев Нанны, обольщающих Ратмира, сказочные картины царства Черномора. Чисто «пушкинская» способность проникнуть в дух музыки любой народности, полифоническое и вариационное